

шегося в квартире. Возбужденный инженер (опыт его удался: исчезла стена в квартирѣ) так далек от окружающей его обстановки, рад свежему человеку. Он выше всех воров и управдомов, украденного патефона и домовой книги. Разговор этих трех персонажей комичен по двум причинам: столкновением высоких речей изобретателя и «заземленными» вопросами управдома, с другой стороны тем, что вор вкладывает в свои реплики другой, тайный смысл, чем Тимофеев (не забудем, что читатель знает, кто такой Милославский). Жулик также «оценил» изобретение Тимофеева и ввиду открывающихся «перспектив» радостно повышает изобретателя «в звании»: «гражданин профессор», «гражданин ученый», наконец — «академик», а на вопросы управдома он сейчас же находит ответ, не лишенный иронии.

Бунша: (обращаясь к Милославскому). Меня терзает смутное сомнение. На вас такой же костюм, как у Шпака!

Милославский: А разве у Шпака у одного костюм в полоску в Москве? ... Я лучше на этот опыт посмотрю, он мне очень понравился.

Тимофеев (жмет ему руку): Я очень рад! Вы были первый, кто увидел ... Вы, так сказать, первый свидетель ...

Милославский: Никогда еще свидетелем не приходилось быть (намек на то, что он всегда был в роли обвиняемого). Сколько я от них (от управдомов — И. В.) неприятностей имел, если бы вы знали *гражданин ученый* ... Скажите, и в *магазине* можно также стенку приподнять?»

Блестяще написаны страницы, где Иван Грозный разговаривает с Тимофеевым и другими жильцами дома. В основном комический эффект достигается *смешением церковнославянизмов царя с разговорным русским 30-х годов.*

Тимофеев: Вы водку пьете?

Иоанн: О горе мне! ... Анисовую.

Тимофеев: Нет анисовой у меня. Выпейте горного дубячку, вы *подкрепитесь* и придете в себя. Я тоже.

Иоанн: *Отведай* ты из моего кубка.

Тимофеев: Зачем это? Ах да. Вы полагаете, что я хочу вас отравить? Дорогой Иван Васильевич, у нас это не принято. И кильками в наш век гораздо легче отравиться, чем водкой. Пейте смело.

Иоанн: Ты, стало быть, тут живешь? *Хоромы*-то тесные.

Тимофеев: Да уж, *хоромы* неважные.

Иоанн: А *боярыня* твоя где? В церкви, что ли?

Тимофеев: Не думаю. Моя *боярыня* со своим любовником Якиным на Кавказ убежала.

Хотя комедия Булгакова не увидела в свое время света рампы, легко представить себе реакцию публики на ту сцену, в которой Иоанн Грозный «кустрирует счастье» Зинаиды и буквально заставляет Якина сделать ей предложение. Самоуверенный Якин, который вначале принял Иоанна за репетирующего артиста и предлагал ему контракт, узнав, что это настоящий царь, струсил и на все согласился.

Иоанн: Подойди и отвечай! *Доколе* же ты ...

Якин: *Аз есмь* ... умоляю, не хватайтесь за ножик. Я сплю ...

Иоанн: Ты боярыню соблазнил?

Якин: Я ... я ... *Житие мое* ...

Иоанн ... *Пес смердящий!* Какое житие? Ты посмотри на себя! О, зол муж! Дьявол научиши ты долгому спанию, по сне зиянию, *главоуслию* с похмелья и другим злостям *неизмерным и неисповедимым!*